

УДК 008

Д. В. Думанский, А. В. Ромашин

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАТАРСИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья является попыткой тезисного изложения наиболее важных аспектов эстетико-философской полемики, затрагивающей проблему катарсического воздействия искусства. В ней анализируется влияние этой полемики на представления о механизмах воздействия современного искусства.

Ключевые слова: катарсис, рецепция искусства, механизмы воздействия искусства.

D. V. Dumanskiy, A. V. Romashin

THE EVOLUTION OF NOTIONS ABOUT CATHARTIC IMPACT OF ART IN THE CONTEXT OF MODERN CULTURE

This article is an attempt to give a brief survey about the most important aspects of aesthetic and philosophical polemics about cathartic impact of art over a period from the late antiquity to present time. It analyzes the influence of this polemics on notions about impact of modern art.

Keywords: catharsis, reception of art, mechanisms of art impact.

Теория катарсиса сохранилась в «Поэтике» Аристотеля не полностью, и это стало причиной множества противоречивых интерпретаций. Прояснение понимания катарсиса у Аристотеля и многовековая эстетико-философская полемика относительно этого вопроса – две отдельные, интересные темы для исследования. Однако мы в большей степени сосредоточимся на взаимном влиянии, с одной стороны – идеологических установок и эстетики конкретной эпохи на интерпретации катарсиса, с другой стороны – интерпретаций катарсиса на становление эстетической теории и практики. Таким образом, будут затронуты более широкие темы: телеология искусства и механизмы воздействия искусства.

Из сферы узкоспециализированных исследований термин катарсис перешел в литературную и кинематографическую критику. На данный момент термин достаточно прочно укоренился в русском языке, свидетельством этому может служить употребление его в обыденной речи, чаще всего в контексте разговоров о литературных произведениях и кинопроизведениях особого рода. Однако этот немаловажный факт до сих пор остается практически незамеченным со стороны социально-гуманитарных наук, в частности, культурологии. Редкое исключение составляют: сборник статей ученых Российского института культурологии – «Катарсис: метаморфозы трагического сознания», монография М. М. Позднева «Психология искусства. Учение Аристотеля», «Аристотель и поздняя классика» А. Ф. Лосева [5; 4].

В отношении России проблема катарсиса представляется особенно актуальной. В 90-е годы XX века в русской культуре произошли радикальные изменения: искусственно изолированная от самых современных европейских тенденций, сдерживаемая цензурой, существующая под строгим контролем государства культура сделала попытку интеграции в глобальные культурные процессы. Однако изменения, от которых ждали исключительно положительных результатов, породили системный кризис, не преодоленный до сих пор.

В качестве примеров конкретных культурных событий, вызванных к жизни этими изменениями, можно привести: первые переводы произведений классиков контркультуры, в том числе Уильяма Берроуза, который одним из первых в XX веке употребил слово «катарсис» по отношению к подобного рода литературе; появление целой плеяды русских писателей, использующих эпатаж в качестве одного из основных художественных методов (В. Сорокин, Вик. Ерофеев и т. д.); а также появление в русском кинематографе такого феномена, как «чернуха», которая стала доминирующим жанром 90-х годов. В качестве оправдания обилию шокирующих и непристойных сцен приводится мысль, что реципиент должен испытать от всего этого катарсис. При этом единого понимания катарсиса и катарсического воздействия нет. Таким образом, можно констатировать, что в результате переоценки ценностей на смену

традиционных форм этики и эстетики приходят этический релятивизм и негативная эстетика (эстетизация насилия и т. д.).

Попытаемся обнаружить ясность в вопросе понимания катарсиса. В «Поэтике», в том виде, в котором она дошла до наших дней, Аристотель не дает определения катарсиса, поэтому можно только обозначить его смысловое поле. Катарсис подразумевает переход из одного состояния в другое и связан с оппозициями: вина/невиновность, неразумие/разум, страдание/удовольствие, болезнь/исцеление. Следует также особо подчеркнуть, что понятие «катарсис» было использовано Аристотелем в полемике с Платоном в качестве оправдания трагедии (см. [1]).

В поздней Античности идея эстетического катарсиса Аристотеля рассматривалась исключительно как полемический ответ Платону и доказательство пользы трагедии для воспитания. Ямвлих отдельно рассматривает катарсис «Поэтики» и катарсис «Политики». В отношении трагедии катарсис рассматривается им как дидактическое воздействие, однако катарсис «Политики» он считает медицинским и оспаривает эту точку зрения, сам он считает его религиозным. Для последующего восприятия понятия «катарсис» важен фрагмент из трактата Ямвлиха «О Египетских мистериях»: «во время священнодействий, созерцая и выслушивая непристойное, мы освобождаемся от происходящего от него вреда» [6, с. 42] (мысль, которую, в той или иной форме, довольно часто можно услышать в отношении целого ряда произведений современного искусства).

Средневековая философия поддерживала и укрепляла авторитет Аристотеля, но все усилия средневековых авторов были направлены на то, чтобы безболезненно соединить учение Аристотеля и христианскую этику. Также надо принять во внима-

ние преобладание в это время скептического отношения к зрелищам и их этической значимости, поэтому от Средневековья до нас не дошли какие-нибудь серьезные рассуждения об аристотелевском катарсисе, хотя средневековые авторы были осведомлены о катарсическом воздействии религиозных обрядов [5, с. 358–360].

До Аристотеля в эпоху Возрождения авторитетом в области эстетики был Гораций, поэтому интерпретация катарсиса производилась в русле обозначенной им оппозиции польза/удовольствие. Таким образом, этические интерпретации пытались примирить катарсис с христианской этикой (радикальный вариант такой интерпретации: катарсис как искоренение грехов с помощью страха), а эстетические, в основном, сосредоточились на объяснении природы трагического удовольствия и механизмов катарсического воздействия (теория привыкания, теория гармонизации страстей, теория расчета страданий) [5, с. 370–375].

В Новое время этическая интерпретация катарсиса практически вытеснила все другие. Однако можно констатировать, что этот морализм имел несколько иную, чем принято считать, подоплеку. Так, для Корнеля главное – удовольствие зрителя, и именно для удовольствия зрителя Корнель показывает упрощенное изображение порока и добродетели, а также торжество добродетели над пороком. В теории Корнеля собственный практический опыт мешает ему понять Аристотеля, за что его критикует Лессинг. Однако он трактует катарсис тоже этически: как «превращение страстей в добродетельные наклонности» [5, с. 412–415].

В XIX веке доминирует медицинская интерпретация. Я. Бернайс обрушился на Лессинга с критикой и констатировал, что катарсис не имеет ни этического, ни эсте-

тического значения. Я. Бернайс сравнивал катарсис с очищением желудка (пургатив) и говорил, что он имеет значение избавления от патогенных аффектов. Теория Я. Бернайса повлияла на начальном этапе на становление психоанализа, который, в свою очередь, в период своей зрелости повлиял на дискуссии вокруг катарсиса (см. [5]).

Несмотря на обилие противоречивых интерпретаций, это понятие античной эстетики до сих пор играет важную роль в современном культурном дискурсе. Все чаще высказывается радикальное мнение: «катарсис – это цель искусства». При этом надо учитывать, что, по меткому высказыванию А. Ф. Loseва, в понимании катарсиса у Аристотеля имеется «неисправимая неопределенность». Таким образом, этот тезис очень удобен и создает иллюзию согласия, однако, надо подчеркнуть, что не существует единого понимания природы и сущности катарсического воздействия.

Можно выделить несколько вариантов катарсического воздействия, которые актуальны для современной культурной ситуации:

1) Катарсис является своеобразной арт-терапией, очищением для автора. Вот как это описывает герой произведения Джека Керуака «Ангелы опустошения», прототипом которого был Уильям Берроуз: «Все дело в достижении катарсиса: я выдаю наигнуснейшие вещи, принимаю самую страшную, грязную, унижительную позу – а к тому времени, как закончу эту книгу, я очишусь и обернусь ангелом...» [3, с. 412]. При таком механизме катарсического воздействия возникают сомнения в возможности «очищения» для воспринимающего субъекта.

2) Условно «психоаналитическая» модель воздействия: катарсис является освобождением подавленных эмоций через страх и агрессию, однако подобная модель в большей степени связана с гомеопатией

(точнее, с одним из принципов античной медицины – лечением подобного подобным) и медицинской интерпретацией катарсиса. Психологами из университета Айовы был проведен эксперимент с целью выяснить, не приводит ли к катарсическому очищению перенесение агрессии на внешний предмет. Группа испытуемых из 360 человек делилась на две подгруппы – за и против катарсиса. Одной демонстрировалась аудио-визуальная информация, рассчитанная на возбуждение агрессии. В качестве выхода агрессии предлагалось бить по боксерской груше. Другой группе демонстрировалась информация, не вызывающая негативных эмоций. Результаты исследования показали, что перенесение агрессии на внешний объект увеличивало агрессию.

3) Абсурдистский катарсис – возвращение к реальному миру становится «очищением» после безумно-абсурдного произведения, серая жизнь воспринимается как допустимая альтернатива бесконечной шизофрении виртуальной реальности. Подобная модель, по сути, является одним из вариантов теории расчета страданий, в ироничной форме высказанной еще в Античности и получившей наибольшую популярность в эпоху Возрождения.

В процессе исторической трансформации различные аспекты «катарсической эстетико-философской» полемики использовались в соответствии с текущими потребностями эпохи и отразились на современном многообразном и противоречивом понимании катарсиса. Так, в современных трактовках катарсического воздействия слышны отголоски предшествующей эстетико-философской полемики. Для современного искусства, эстетизирующего насилие и пропагандирующего этический релятивизм, катарсис стал удобным инструментом для оправдания своей позиции.

Литература

1. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
2. Беляев М. «Катарсическая» предыстория психоанализа // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 51–65.
3. Керуак Д. Ангелы опустошения. – СПб.: Азбука, 2002. – 480 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. – Т. 4. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975. – 776 с.
5. Поздnev М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. – М.; СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 816 с.
6. Ямвлих. О Египетских мистериях. – М.: Алетейя, 2004. – 208 с.

Literatura

1. Aristotel'. Ritorika. Pojetika. – М.: Labirint, 2007. – 256 s.
2. Beljaev M. «Katarsicheskaja» predystorija psihoanaliza // Katarsis: metamorfozy tragicheskogo soznanija / sost. i obshh. red. V. P. Shestakova. – SPb.: Aletejja, 2007. – S. 51–65.
3. Keruak D. Angely opustosheniija. – SPb.: Azbuka, 2002. – 480 s.
4. Losev A. F. Istorija antichnoj jestetiki. – Т. 4. Aristotel' i pozdnjaja klassika. – М.: Iskusstvo, 1975. – 776 s.
5. Pozdnev M. M. Psihologija iskusstva. Uchenie Aristotelja. – М.; SPb.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2010. – 816 s.
6. Iamvliх. O Eгipetskih misterijah. – М.: Aleteja, 2004. – 208 s.